Человек и культура
Правильная ссылка на статью:
Ипполитов С.С. — Российские гуманитарные организации на рынке труда Германии как фактор адаптации российских беженцев в 1919-1920-х гг. // Человек и культура. – 2020. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.1.31912 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31912

Российские гуманитарные организации на рынке труда Германии как фактор адаптации российских беженцев в 1919-1920-х гг.

Ипполитов Сергей Сергеевич

кандидат исторических наук

Проректор по развитию, декан Факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева

121433, Россия, г. Москва, ул. Б. Филевская, 69

nivestnik@yandex.ru

Статья из рубрики "Культура повседневности"

DOI:

10.25136/2409-8744.2020.1.31912

Дата направления статьи в редакцию:

24-02-2020

Аннотация.

Предметом настоящего исследования является рынок труда и правовая ситуация в Германии 1920-х гг. в контексте пребывания на ее территории огромной массы русских беженцев и бывших военнопленных Первой мировой войны; деятельность российских общественных и профессиональных организаций по преодолению гуманитарного кризиса, в котором оказались соотечественники в изгнании; процесс воссоздания организационных структур российской гуманитарной деятельности в Европе; правовые и экономические основы их деятельности за границей; роль российских гуманитарных организаций в Германии в процессе трудоустройства русских беженцев. Методологической основой стали принципы историзма и системности. Системность подразумевает изучение поставленной проблемы в неразрывной взаимосвязи с процессами и событиями, происходящими в обществе в конкретный момент истории. Впервые история российской эмиграции первой волны изучалась через призму процессов, происходивших в сфере трудовых взаимоотношений российских беженцев и германского общества; как история людей, оказавшихся в условиях острого гуманитарного кризиса. Социокультурный стресс, полученный миллионами соотечественников, имел следствием маргинализацию, денационализацию огромных масс людей. В статье впервые осмыслена роль гуманитарной деятельности в

противодействии этим кризисным процессам в исследуемый период.

Ключевые слова: российская эмиграция, адаптация эмигрантов, правовая дискриминация, гражданская идентичность, эмиграция в Германии, трудоустройство эмигрантов, социальная адаптация эмигрантов, гуманитарные организации, безработица, трудовые артели

Одним из самых тяжелых для страны периодов истории стала Гражданская война, не только опустошившая страну, разрушившая традиционный уклад и хозяйство, углубившая духовный раскол в обществе, но и отправившая в изгнание сотни тысяч и миллионы российских граждан. Сегодня изучение опыта российской гуманитарной деятельности в эмиграции, общественной самоорганизации, гражданских инициатив по сохранению гражданской идентичности в условиях гуманитарного кризиса становится вновь актуальным.[i] Гражданские конфликты в ближнем российском зарубежье, как и сто лет назад, ставят на повестку дня вопросы призрения беженцев и их адаптации в новом обществе, одним из ключевых факторов которой является трудоустройство, сокращение безработицы в их среде, создание условий для профессиональной реализации, профессиональное образование. Именно в освещении этих вопросов заключается новизна и актуальность предпринятого исследования: ранее гуманитарные проблемы русского зарубежья, лежавшие в плоскости профессиональной реализации беженцев, изучались лишь фрагментарно,[ii] и не становились предметом специального исследования.

Целью исследования является осмысление процессов, происходивших на ранке труда Германии в 1920-х гг. в контексте нахождения в этой стране огромного количества русских беженцев и бывших военнопленных.

Географические границы исследования ограничены территорией Германии, поскольку именно эта страна в исследуемый период стала одним из ведущих центров российской эмиграции благодаря особым экономическим условиям, сложившимся в послевоенный период. Наличие огромного количества бывших русских военнопленных в этой стране также создавало особенно сильное давление на внутренний рынок труда, делая поиск работы для этой категории чрезвычайно сложной задачей. Особую роль в этом процессе играла неурегулированность правового статуса беженцев, создававшая дополнительные проблемы безработным из эмигрантской среды.

Хронологически исследование ограничено 1919 – 1920-ми гг. Такие временные границы выбраны вследствие наибольшей концентрации русских беженцев и бывших военнопленных в этой стране в указанный период. К концу 1920-х гг. русская колония в Германии резко сократилась вследствие укрепления национальной валюты и удорожания жизни в стране, что вынудило эмигрантов искать более комфортные в экономическом смысле страны.

Основу источниковой базы исследования составили фонды Общества помощи русским гражданам в Берлине; Управления лагерей русских беженцев в Гарце; личный фонд А.А. Лампе и фонд Комитета по делам русских беженцев в Германии. Подобный выбор был обусловлен значительным количеством в названных фондах документов российских гуманитарных организаций, в той или иной степени оказывавших помощь соотечественникам в поисках работы, профессиональной переподготовке, трудоустройстве.

Историография российской эмиграции в нашей стране начала свое полноценное

развитие в конце 1980-х гг. В более ранний период исследование этой проблемы находилось в рамках устоявшейся идеологической концепции, поэтому беспристрастное изучение этого феномена началось лишь в постсоветскую эпоху. Проблемы российской гуманитарной деятельности в эмиграции в отечественной историографии затрагивались лишь фрагментарно. К этому периоду относятся исследования историков В.А. Тесемникова[iii], Н.Е. Соничевой[iv], М.В. Назарова[v] и В. Пашуто[vi], увидевшие свет конце 1980-х – начале 1990-х гг. К сожалению, авторы не использовали архивных источников, что отрицательно сказалось на освещении вопросов численности, повседневной жизни эмигрантских диаспор, деятельности российских гуманитарных организаций. В названных работах история российской эмиграции представлялась авторами в виде непрерывной череды политических событий. Ярким примером такого подхода стала монография М.В. Назарова «Миссия русской эмиграции».Упомянутое исследование большое внимание уделяет масонству в беженской среде; борьбе политических партий. В то же время, гуманитарная деятельность, повседневность, культура, социально-экономические проблемы российских диаспор, несмотря на их важность, в историческом исследовании затрагивались автором лишь эпизодически.

В последнее десятилетие историографический взгляд на вопросы российской гуманитарной деятельности в эмиграции претерпел существенную трансформацию. Появилось значительное количество трудов, изучающих феномен общественной самоорганизации эмигрантского сообщества по оказанию помощи наименее защищенным соотечественникам, сохранению культурного наследия, образованию детей, препятствованию процессам ассимиляции и денационализации. Так, социокультурной традиции российского образования в эмиграции посвящена монография А.В. Семченко.[vii] Автор изучил становление образования российской эмиграции первой волны, ставшего ведущим фактором преодоления денационализации – тревожного явления, которое было замечено и описано многими видными деятелями зарубежья.[viii]

Гуманитарным проблемам интеграции российских беженцев в социокультурную среду стран пребывания, сохранению ими собственной национальной и культурной идентичности посвящен цикл статей Л.В. Климович.[ix] Отличительной особенностью этих трудов стало широкое использование эпистолярных источников. Праздники и скаутское движение, образование и молодежные общественно-политические организации рассматривались автором в качестве системных факторов сохранения национальной идентичности, консолидации эмигрантского сообщества, и, особенно, его молодого поколения, наиболее подверженного процессу денационализации.

Становлению и адаптации украинской и белорусской диаспор в эмиграции посвящена серия статей белорусской исследовательницы О.В.Коваль.[x] Первое, что бросается в глаза при изучении статей, это некоторая искусственность увязки белорусской и украинской диаспор. Популярный в последние годы тренд в историографии постсоветского пространства по обособленному изучению национальных сообществ в отрыве от истории Российской Империи – Советской России – СССР понятен и объясняется существующей политической конъюнктурой. Но изучение эмигрантской жизни одновременно двух национальных диаспор в отрыве от процессов, происходивших в тот же период в общности, называемой российское зарубежье, представляет собой нечто новое. Вместе с тем, хорошо известно, насколько условным в тот исторический период было деление бывших подданных Российской Империи на русских, украинцев и белорусов. Изучая в целом качественные и информативные статьи белорусского автора, приходится с сожалением констатировать, что процесс обособления и фрагментации исторического знания, набирающий обороты на просторах постсоветского пространства,

затронул и белорусских историков, что неизбежно влечет за собой снижение научного уровня местной историографии.

Схожая тенденция – манипулирование географическими и этническими определениями – прослеживается в статьях украинского автора В.Н. Власенко.[xi] Автор исследует гуманитарную деятельность в эмиграции, в частности, Украинского общества Красного Креста в Румынии, но если читатель попробует понять, что именно подразумевает автор под определением «украинская эмиграция», он будет вынужден обратиться к предложенному автором определению: «…речь идет о политически мотивированной, идеологически определившейся, организационно структурированной части эмиграции, которая исповедовала идею восстановления украинской государственности в различных ее формах».[xii] Это вполне добротное определение, которое даёт представление о научной цели автора. Но дальше по тексту статьи мы не находим ни фактов «идеологической определённости», ни сведений о «политической мотивации» или «организационных структурах». Напротив, автор переходит к расширительному толкованию собственного определения «украинская политическая эмиграция», относя к ней практически всех «уроженцев и жителей Украины», включая бывших военнопленных Первой мировой войны, крестьян и военнослужащих белых армий, так или иначе связанных с территорией Украины.[xiii] Такая позиция является, на наш взгляд, манипулятивной, когда под заранее заданную концепцию подводятся определенные исторические факты, далеко не всегда подтверждающие заявленную автором в заглавии точку зрения.

В этом смысле значительно более научную позицию занимают статьи А.А. Микуленок.[xiv]Автор углублённо занимается изучением российской гуманитарной деятельности в Польше и других сопредельных Российской Империи государствах, уделяя особое внимание сохранению культурных традиций и нематериального наследия, причем делает это на материалах Государственного архива РФ. Отмечая наиболее острую проблему молодежи российского зарубежья – денационализацию – автор рассматривает её в контексте общих социокультурных и экономических процессов, происходивших в тот период и в мире, и в эмигрантском сообществе. Автор исследует роль российских – Земгора, Российского общества Красного Креста – и международных гуманитарных организаций в противодействии этим разрушительным процессам. При этом автор не предпринимает попыток искусственного разделения российских диаспор по этническому, языковому, культурному или политическому принципу, изучая весь комплекс социокультурных факторов, как внешних, так и внутренних, оказывавших влияние на адаптационные процессы в эмигрантской среде.

В Германии, на протяжении ряда лет остававшейся центром притяжения российских беженцев из-за низкого курса немецкой марки и относительной дешевизны повседневной жизни, восстановил свою деятельность целый ряд российских гуманитарных организаций. В 1921 г. была предпринята попытка, инициированная Обществом помощи русским гражданам, объединить русские общественные и благотворительные организации в единую структуру. Мотивировалось такое решение необходимостью создания «особого органа для сношения с Германским Красным Крестом от имени всех обществ, в этом органе представленных». Созданное Объединение насчитывало в 1922 г. пятнадцать коллективных членов: Общество помощи русским гражданам, Союз торгово-промышленных и финансовых деятелей, Союз немцев-колонистов, Союз русской присяжной адвокатуры, Союз русских евреев, Русский студенческий союз, Союз русских студентов, Союз сценических деятелей, Общество литераторов, Американский фонд помощи литераторам и ученым, Академическая группа,

Союз русских увечных воинов, Союз врачей, Союз инженеров, Союз русских летчиков.[xv]

Главной декларируемой целью созданного объединения называлась помощь российским беженцам в трудоустройстве. Эмигранты интеллигентных профессий находили работу по специальности в Германии с большим трудом. Главной причиной здесь являлся, прежде всего, языковой барьер. Поэтому взгляды эмигрантов и организаций, оказывавших им помощь в деле трудоустройства, чаще всего обращались в сторону российских коммерческих предприятий и объединений русских промышленников и финансистов, которые смогли успешно восстановить свою деятельность в Германии. Шансы получить работу в одной из подобных организаций были вполне реальными, особенно в конце 1920 – начале 1921 гг., когда безработица в Германии не приняла еще катастрофических масштабов и не были приняты законодательные акты, ограничивавшие для иностранцев право на труд. Именно в этот период Российским обществом Красного Креста была предпринята попытка организовать с помощью русского Торгово-промышленного союза в Германии своего рода биржу труда для эмигрантов. В декабре 1920 г. Красным Крестом в Торгово-промышленный союз было направлено письмо с просьбой «…принять меры к выяснению… не имеется ли как в Берлине, так и вообще в Германии, спроса на труд русских бухгалтеров, конторщиков, переводчиков, переписчиков на пишущей машинке и других интеллигентных работников…». Для решения этой задачи Красный Крест рекомендовал «…войти в самые тесные отношения со многими русскими и германскими финансовыми и коммерческими предприятиями».[xvi] Одновременно предпринимались попытки решить и одну из главных проблем социальной адаптации – преодоление языкового барьера, для чего в беженских лагерях, где «ощущалась острая необходимость иметь курсы немецкого языка», Красным Крестом финансировалось его изучение.[xvii]

Крайне сложная ситуация на квалифицированном рынке труда в Германии отмечалась и Обществом помощи русским гражданам: «Специфический подбор лиц, обращающихся в Общество, не дает возможности организовать бюро труда. Огромное большинство клиентов Общества – бывшие офицеры и солдаты белых армий, частью бывшие военнопленные, люди без всякой специальности, а подчас без всякого образования… В Берлине (и в Германии вообще) наблюдается спрос на физический труд или на случайную работу, не связанную со специальностью (например, участие в массовых сценах при съемках фильмов). Спрос на квалифицированный труд в Берлине по сравнению с предложением ничтожен».[xviii]

Положение русских рабочих регламентировалось общими правовыми нормами, относившимися к труду иностранцев. Большое количество необходимых формальностей существенно осложняло деятельность российских организаций по оказанию трудовой помощи беженцам. Так, например, русские, поступившие на предприятие с немецкими рабочими, обязаны были вступать в профессиональные союзы и присоединяться к стачкам и забастовкам в случае их проведения. Однако материальной помощи от немецкого профсоюза, несмотря на уплаченные взносы, русские рабочие не получали. Такая же практика складывалась и в отношении «больничного сбора» – русские рабочие в случае болезни никакими льготами не пользовались, невзирая на необходимость ежемесячных его отчислений.

Особенно широкое распространение находила в беженских лагерях артельная форма организации труда российских эмигрантов. Этому способствовало совместное проживание больших коллективов людей, многих из которых объединяло общее прошлое. Кроме того, часто при формировании беженских лагерей учитывался

социальный состав размещавшихся в них эмигрантов. Так, например, в лагере Вильдеман была размещена часть русского светского хора. Не удивительно, что скоро в этом лагере возникла художественная артель «Вече». В лагере Альтенау проживали, главным образом, семейные пары с детьми школьного возраста. Поэтому вполне естественным выглядело появление здесь дамской бельевой артели, портняжной мастерской и детского хора.[xix]

Материальное положение проживавших в лагерях эмигрантов было крайне сложным. Питание, организованное германским правительством, не удовлетворяло насущных потребностей людей. В отчете Российского общества Красного Креста о его деятельности в лагерях русских беженцев в Гарце особо отмечалось, что «…немецкое пищевое довольствие в лагерях не было удовлетворительно… и беженцы им не пользовались, предпочитая довольствоваться пищевыми продуктами из посылок английского и американского Красных Крестов».[xx] Однако продовольственные посылки проблемы не решали. По этой причине большинство российских эмигрантов вынуждены были искать возможность заработать деньги в окрестностях лагерей. В уже упомянутом отчете Красного Креста говорилось: «многие офицеры в виду полного отсутствия средств, усиленно работали в шахтах и в лесу, где, буквально каторжным трудом, зарабатывали деньги… Эти беженцы принуждены были почти весь свой небольшой заработок расходовать на приобретение пищевых продуктов».[xxi]

Решать продовольственную проблему в обеспечении беженских лагерей призваны были общественные полевые работы на участках, выделенных для этих целей местными властями. Так, например, в лагерях Альтенау, Вамбек, Вильдеман в окрестностях Гарца такая форма артельного труда получила широкое развитие. Помимо общественных огородов, многие эмигранты разбивали и собственные участки, «…и летом имели с них редиску, огурцы, картофель, салат и пр.».[xxii]

Беженские лагеря и общежития часто становились своего рода центрами, объединявшими трудовые коллективы российских эмигрантов. В общежитиях жили, в основном, одинокие беженцы из числа младшего и среднего офицерского состава белых армий. После посещения в 1931 г. одного такого офицерского общежития, А.А. фон Лампе писал: «…В общежитии я нашел офицеров, работающих над деревянными игрушками, что дает 100 марок в день, набивкой папирос при доходе 50 марок с тысячи и выделыванием портсигаров с инкрустацией».[xxiii] Бывшие офицеры, как правило, не имевшие иных специальностей, кроме военной, с большим трудом находили возможность заработать себе на жизнь. Еще в большей степени это относилось к старшим офицерам, которые брались иногда за совершенно «неподходящие» для них занятия.

Оккупация немецкими войсками Чехословакии повлекла за собой возникновение трудовой миграции российских эмигрантов в Германию. Многие из них, после почти двадцати лет жизни в Чехословакии – наиболее гостеприимного по отношению к русским государства – вынуждены были покинуть эту страну из-за безработицы и мигрировать в Германию, испытывавшую в тот период потребность в рабочих руках для набиравшей обороты военной промышленности. Большая часть из них получили за годы эмиграции в Чехословакии высшее или среднее специальное образование; первоначальный этап их социальной адаптации был пройден, поэтому переселение в Германию и низкоквалифицированный труд, который был доступен лицам, не имевшим германского гражданства, воспринимались российским эмигрантами крайне драматично.

Сложившаяся с русскими трудовыми мигрантами ситуация вынудила А.А. фон Лампе обратится к В.В. Бискупскому, являвшемуся на тот момент времени директором «Русского

национального управления» и активно сотрудничавшему с национал-социалистами, с просьбой о посредничестве с германскими властями в решении возникших проблем. В своем письме по этому поводу в июле 1939 г. фон Лампе писал: «Русские офицеры, проживавшие до сего времени на территории бывшей Чехословакии, силою вещей вынуждены теперь… искать себе пропитания в самой Германии, куда привлекаются на работы партии чешских рабочих. В состав этих партий записываются также и русские офицеры и с партиями отправляются в Германию для работы по контракту с той или иной фирмой. Работы эти в большинстве случаев физические, но особых жалоб на это обстоятельство… не поступало. Жалуются больше на то, что приходится жить принудительно вместе с чехами, по природе грязными и по политическому своему устремлению совершенно чуждыми… Громадное большинство русских офицеров в свое время попавших в Чехословакию, принадлежало к наиболее молодому слою Русской Армии… Поэтому большинство из них смогло получить в Чехословакии высшее образование и среди них немало инженеров, врачей. Есть отдельные работавшие на заводах на ответственных должностях по десять и более лет. Все они теперь работают на физической работе…».[xxiv] И далее фон Лампе приводил несколько частных примеров: «В районе Нюрнберга по 10 часов работает лопатой на земляных работах сотник Петров – он на самом деле ветеринарный врач и специалист по консервированию мяса… В районе Бантельна работает, меняя рельсы на железной дороге, вольноопределяющийся Коджаспиров – он инженер-агроном, рядом с ним – подпоручик Коньков – не инженер, но человек со стажем практических работ по проведению дорог и т.д.».[xxv]

Однако фон Лампе в конце письма делала неожиданный вывод о том, что подобная ситуация с российским эмигрантами сложилась не в силу социально-экономических и политических предпосылок в нацистской Германии, а лишь потому, что германским властям, якобы, неизвестен «сам факт наличия в среде чешских рабочих… русских офицеров».[xxvi]

Появление в эмигрантской среде таких откровенно античешских настроений, совершенно нехарактерных в 1920-х гг., очевидно, явилось отголосками пропагандистской компании гитлеровского правительства в преддверии осуществления «Зеленого плана» – плана захвата Чехословакии осенью 1938 г., когда нацистская пресса развернула шовинистическую компанию против этой страны.

Приходится признать, что работа на гитлеровский режим не вызывала морального отторжения у эмигрантов. В июле 1939 г., когда был написан процитированный документ, у российских эмигрантов еще продолжали оставаться альтернативные направления для трудовой миграции в пределах европейских государств. Тем не менее, выбор у значительной части из них пал именно на Германию, что косвенно подтверждает определенную степень близости существовавшего там режима с политическими воззрениями и мировосприятием эмигрантов, поскольку объяснять поиск работы в Германии исключительно экономическим причинами, было бы ошибкой – в ряде европейских государств, например, во Франции или Югославии, не говоря уже о «странах дальнего зарубежья» – Америке, Канаде и др., существовали значительно более благоприятные условия для жизни и трудоустройства, нежели в предвоенной Германии.[xxvii]

В итоге рассмотрения процесса трудоустройства российских эмигрантов в Германии можно сделать несколько выводов.

Общая правовая ситуация в стране, характеризовавшаяся созданием властями условий «наименьшего благоприятствования» для эмигрантов, нашла отражение и в германском

трудовом законодательстве, вводившем целый ряд искусственных ограничений для трудоустройства «неграждан». Зачастую отсутствие в германском законодательстве прямых трактовок той или иной ситуации, возникавшей в процессе трудоустройства эмигрантов, трактовалось местными властями, под влиянием общих настроений в немецком обществе, не в их пользу. Такая практика влекла за собой существенное сужение перечня возможных направлений деятельности, в которых российские эмигранты могли рассчитывать на возможность приложить свой труд.

В результате русский наемный труд не получил в Германии такого широкого развития, как в других странах Западной Европы, в частности, во Франции, где российские «трудовые коллективы» в 1920-х – 30-х гг. стали неотъемлемой приметой крупных промышленных предприятий. В Германии же, в качестве основной формы трудоустройства российских эмигрантов, можно назвать трудовые артели, обеспечивавшие работой наименее социально адаптированные слои эмиграции – бывших военнослужащих белых армий, беднейшие слои беженцев, одиноких женщин без средств к существованию и пр.

Своеобразной особенностью предложения «русского» труда в Германии было незначительное количество желавших получить работу в обслуживающих отраслях – должности домашней прислуги, лакеев и т.д. Этот факт можно объяснить существованием целого комплекса чисто русских традиций и предубеждений, основанных на многовековой антипатии к немецкой нации, ставшей следствием кардинального отличия культур и многочисленных конфликтов на всем протяжении общей истории. Кроме того, в 1920-х гг. слишком сильны еще были воспоминания о мировой войне, и образ немцев, как врагов, укоренившийся в сознании русских людей, не позволял им идти «в услужение» к бывшим противникам.

Все эти факторы, наряду с общим социально-экономическим и политическим положением Германии, обеспечили постепенное, но неуклонное сокращение российской колонии, в значительно большей степени, нежели граждане Германии, подверженной влиянию безработицы.

Так называемые «нюрнбергские законы», принятые в период с сентября 1935 г. по сентябрь 1938 г., сделали фактически невозможным дальнейшее существование в Германии той части российской колонии, которая состояла из эмигрантов еврейского происхождения. Нацистское законодательство обязывало граждан еврейской национальности выплатить «миллиардный коллективный «штраф»; они были лишены возможности заниматься торговлей и производством, ограничивались в передвижении в пределах Германии. Евреям были установлены жесткие временные сроки, в течение которых они должны были продать или ликвидировать свои коммерческие фирмы; они обязывались передать государству акции и доли в коммерческих предприятиях, которыми они владели; запрещалась продажа и покупка евреями золота и драгоценных камней; владельцам недвижимости разрешалось разрывать с евреями договоры найма до истечения установленного срока, и т.д.».[xxviii] В итоге к середине 1930-х гг. большая часть евреев – выходцев из России, обладавших достаточными для этого средствами, покинули Германию, и переселись в другие страны мира, преимущественно, во Францию.[xxix]

Состоялась ли социальная адаптация российской эмиграции в Германии? Можно ли говорить об ее интеграции в общественную, политическую, хозяйственную жизнь страны? Несмотря на целый комплекс формальных признаков, казалось бы, свидетельствовавших о факте адаптации, думается, ответ на эти вопросы должен быть

отрицательным. Постоянный правовой гнет германского государства; чуждая, зачастую враждебная социальная среда; экономическая нестабильность влекли за собой неуклонное сокращение российской колонии. Ее численность, определявшаяся в 230 – 250 тыс. человек в 1921 г., на протяжении последующих восемнадцати лет продолжала постоянно уменьшаться, и к концу 1930-х гг. достигла отметки в 45 тыс. человек.

Общая правовая ситуация в стране, характеризовавшаяся созданием властями условий «наименьшего благоприятствования» для эмигрантов, нашла отражение и в германском трудовом законодательстве, вводившем целый ряд искусственных ограничений для трудоустройства «неграждан». Зачастую отсутствие в германском законодательстве прямых трактовок той или иной ситуации, возникавшей в процессе трудоустройства эмигрантов, трактовалось местными властями, под влиянием общих настроений в немецком обществе, не в их пользу. Такая практика влекла за собой существенное сужение перечня возможных направлений деятельности, в которых российские эмигранты могли рассчитывать на возможность приложить свой труд.

В результате русский наемный труд не получил в Германии такого широкого развития, как в других странах Западной Европы, в частности, во Франции, где российские «трудовые коллективы» в 1920-х – 1930-х гг. стали неотъемлемой приметой крупных промышленных предприятий. В Германии же, в качестве основной формы трудоустройства российских эмигрантов, можно назвать трудовые артели, обеспечивавшие работой наименее социально адаптированные слои эмиграции – бывших военнослужащих белых армий, беднейшие слои беженцев, одиноких женщин без средств к существованию и пр.

В качестве существенной особенности структуры предложения «русского» труда в Германии необходимо отметить незначительное количество желавших получить работу в обслуживающих отраслях – должности домашней прислуги, лакеев и т.д. Этот факт можно объяснить существованием целого комплекса чисто русских традиций и предубеждений, основанных на многовековой антипатии к немецкой нации, ставшей следствием кардинального отличия культур и многочисленных конфликтов на всем протяжении общей истории. Кроме того, в 1920-х гг. слишком сильны еще были воспоминания о мировой войне, и образ немцев, как врагов, укоренившийся в сознании русских людей, не позволял им идти «в услужение» к бывшим противникам.

Библиография

1. Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: Несостоявшийся альянс. М.: 2004. 368 с.
2. Ганин А.В. Трудоустройство и профессиональная реализация русских генштабистов-эмигрантов в 1920-1930-е гг. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2012. №7. С. 92-96.
3. Сергеев В.П. Общественные организации русского национального меньшинства в Эстонской республике в 1920 1940 гг. // Новый исторический вестник. 2005. №12. С. 32-39.
4. Бочарова З.С. Особенности адаптации русской эмиграции 1920–1930-х годов // Русское зарубежье. 2017. №6. С.28-34.
5. Бочарова З.С. Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920-1930-е годы // РСМ. 2017. №2. С. 161-176.
6. Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919-1945 гг.) // Вопросы истории. 1988. №10. С. 24-37.

7. Соничева Н.Е. На чужом берегу. М., 1991. 226 с.
8. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1. 128 с.
9. Пашуто В.Т. Российские историки-эмигранты в Европе. М. 1992. 226 с.
10. Семченко А.В. Российская эмиграция: Социокультурные традиции образования. М., 2002. 302 с.
11. Климович Л.В. Вклад русской школы в формирование национально-культурной идентичности молодого поколения эмиграции в 20-30-е гг. XX века (на материалах русской средней школы-гимназии в Париже) // Научный диалог. 2016. №8 (56).
12. Климович Л.В. Праздники российской эмиграции как отражение исторического кода дореволюционной России (1920-1930-е гг.) // Научный диалог. 2017. №11. С. 46-57.
13. Коваль О.В. Белорусско-язычная Виленская периодика как исторический источник по истории украинской диаспоры (1918-1939) // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2015. №5 (178). С. 66-78.
14. Коваль О.В. Межвоенная эмиграция белорусского и украинского населения в Канаду // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2010. №5.С. 12.-26.
15. Коваль О.В. Общие проекты молодежи белорусской и украинской диаспор (1918-1939) // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2013. №5. С. 56-69.
16. Власенко В.Н. Вторая волна межвоенной Украинской политической эмиграции в Румынии (зима-весна 1920 г.) // Русин. 2014. №2 (36). С. 44-59.
17. Власенко В.Н. Третья волна межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии // Русин. 2014. №4 (38). С. 22-35.
18. Власенко В.Н. Украинская эмигрантская периодика в межвоенной Румынии // Русин. 2018. №3 (53). С. 67-79.
19. Власенко В.Н. Формирование украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период (первая волна) // Русин. 2014. №1 (35). С. 107.
20. Микуленок А.А. День русского инвалида в Польше в 1920-1930-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. №1. С. 87.
21. Микуленок А.А. День русской культуры в лимитрофных государствах в 1924-1939 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. №2 (40). С. 44.
22. Микуленок А.А. Особенности положения русскоязычного населения на «Восточных кресах» в 1920-1930-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2015. №6. С. 79.
23. Микуленок А.А. Проблема урегулирования правового положения российских эмигрантов в Польше в 1920-е гг. // ИСОМ. 2015. №6-2. С. 112.
24. ГА РФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д.27. Л. 26.
25. ГА РФ. Ф. 6007. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
26. ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 9. Л. 42.
27. ГА РФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 27. Л. 31.
28. ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 9. Л. 3-4.
29. ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.
30. ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 9. Л. 28.
31. ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 9. Л. 37.
32. ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 89.
33. ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68 (1). Л. 52.
34. ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68 (1). Л. 53.
35. ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68 (1). Л. 54.

36. Руденцова Ю.И. Социальная адаптация и миграция российской эмиграции во Франции (1920-1930-е гг.). М., 1999; Россия в изгнании. М., 1999.
37. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1988, т. 2. С. 113.
38. Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчёт.-Париж: Ymca-Press, 1979. С. 245.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования, данные о рецензенте не указываются.

Рецензия на статью

РЕЦЕНЗИЯ на статью Российские гуманитарные организации на рынке труда Германии как фактор адаптации российских беженцев в 1919-1930-е гг. Название отчасти соответствует содержанию материалов статьи. В названии статьи условно просматривается научная проблема, на решение которой направлено исследование автора. Рецензируемая статья представляет относительный научный интерес. Автор не разъяснил выбор темы исследования и не обосновал её актуальность. В статье не сформулирована цель исследования. Автор некорректно определил предмет исследования (в аннотации?) («Предметом настоящего исследования является деятельность российских общественных и профессиональных организаций по преодолению перманентного гуманитарного кризиса, в котором оказались соотечественники в изгнании; по препятствованию процессам денационализации и разрушения гражданской идентичности эмигрантов; процесс воссоздания организационных структур российской гуманитарной деятельности в Европе; правовые и экономические основы их деятельности за границей; основные направления работы; взаимодействие с иностранными правительствами и гуманитарными структурами; роль российских гуманитарных организаций в Германии в процессе трудоустройства русских беженцев»), не сумел описать методы, использованные им в ходе проведения исследования (также в аннотации?). На взгляд рецензента, основные элементы «программы» исследования автором не вполне продуманы, что отразилось на его результатах. Автор стремился обстоятельно представить результаты анализа историографии проблемы, но не сформулировал новизну предпринятого исследования, что является существенным недостатком статьи. В аннотации научная новизна сформулирована автором некорректно («В статье впервые осмыслена роль гуманитарной деятельности в противодействии этим кризисным процессам в исследуемый период»). При изложении материала автор избирательно продемонстрировал результаты анализа историографии проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования. Апелляция к оппонентам в статье отсутствует. Автор не разъяснил выбор и не охарактеризовал круг источников, привлеченных им для раскрытия темы. Автор не разъяснил и не обосновал выбор хронологических рамок исследования. Автор не разъяснил и не обосновал выбор географических рамок исследования. На взгляд рецензента, автор стремился грамотно использовать источники, выдержать научный стиль изложения, грамотно использовать методы научного познания, но не сумел соблюсти принципы логичности, систематичности и последовательности изложения материала. В качестве вступления автор сообщил, что «одним из самых тяжелых для страны периодов истории стала Гражданская война» т.д., сообщил результаты анализа историографии проблемы. В основной части статьи автор внезапно сообщил, что «в Германии… восстановил свою деятельность целый ряд российских гуманитарных организаций» и что «Общество помощи русским гражданам» создало объединение,

которое «насчитывало в 1922 г. пятнадцать коллективных членов» т.д. Затем автор разъяснил, что «главной декларируемой целью созданного объединения называлась помощь российским беженцам в трудоустройстве» т.д. и что «одновременно предпринимались попытки решить и одну из главных проблем социальной адаптации – преодоление языкового барьера» т.д. Далее автор умозрительно сообщил, что «положение русских рабочих регламентировалось общими правовыми нормами, относившимися к труду иностранцев» т.д., затем вдруг, что «широкое распространение находила в беженских лагерях артельная форма организации труда российских эмигрантов» т.д. Затем автор разъяснил, что «материальное положение проживавших в лагерях эмигрантов было крайне сложным» т.д., что «решать продовольственную проблему в обеспечении беженских лагерей призваны были общественные полевые работы» т.д. и что «беженские лагеря и общежития часто становились своего рода центрами, объединявшими трудовые коллективы российских эмигрантов» т.д. «Российские гуманитарные организации» в данных сюжетах не упоминаются. Далее автор умозрительно сообщил, что «оккупация немецкими войсками Чехословакии повлекла за собой возникновение трудовой миграции российских эмигрантов в Германию» т.д., описал содержание переписки о «ситуации» «с русскими трудовыми мигрантами» А.А. фон Лампе, не представленного читателю, с В.В. Бискупским, директором «Русского национального управления», организации, о целях деятельности которой автор читателю не сообщил. При этом автор заключил, что «появление в эмигрантской среде таких откровенно античешских настроений… очевидно, явилось отголосками пропагандистской компании гитлеровского правительства» т.д. Далее автор внезапно перешёл к изложению выводов (в тексте: «В итоге рассмотрения процесса трудоустройства российских эмигрантов в Германии можно сделать несколько выводов»). Автор неожиданно заявил, что «общая правовая ситуация в стране… нашла отражение и в германском трудовом законодательстве, вводившем целый ряд искусственных ограничений для трудоустройства «неграждан» т.д., что «в результате русский наемный труд не получил в Германии такого широкого развития, как в других странах Западной Европы» т.д., что «своеобразной особенностью предложения «русского» труда в Германии было незначительное количество желавших получить работу в обслуживающих отраслях – должности домашней прислуги, лакеев» т.д., что «все эти факторы, наряду с общим социально-экономическим и политическим положением Германии, обеспечили постепенное, но неуклонное сокращение российской колонии» т.д. Далее автор сообщил, что «нюрнбергские законы», принятые в период с сентября 1935 г. по сентябрь 1938 г., сделали фактически невозможным дальнейшее существование в Германии той части российской колонии, которая состояла из эмигрантов еврейского происхождения» т.д., что «сложившаяся в Германии внутриполитическая ситуация была в очередной раз использована советскими властями не прекращавшейся ни на день борьбы с российской эмиграцией» т.д., что «российские гуманитарные организации в Германии после прихода к власти нацистов предприняли все возможные действия для изменения своего внутреннего устройства в соответствии с принципами «унификации» т.д. Далее автор сообщил, что «постоянный правовой гнет германского государства; чуждая, зачастую враждебная социальная среда; экономическая нестабильность влекли за собой неуклонное сокращение российской колонии» т.д. и что «общая правовая ситуация в стране, характеризовавшаяся созданием властями условий «наименьшего благоприятствования» для эмигрантов, нашла отражение и в германском трудовом законодательстве, вводившем целый ряд искусственных ограничений для трудоустройства «неграждан» т.д., затем, что «в результате русский наемный труд не получил в Германии такого широкого развития, как в других странах Западной Европы» т.д. и что «в качестве существенной особенности

структуры предложения «русского» труда в Германии необходимо отметить незначительное количество желавших получить работу в обслуживающих отраслях – должности домашней прислуги, лакеев» т.д. В статье встречаются незначительные ошибки/описки, как-то: «Российской Империи», «в соответствии с принцами «унификации». Выводы позволяют оценить научные достижения автора в рамках проведенного им исследования отчасти. Выводы, на взгляд рецензента, не проясняют цель исследования. На взгляд рецензента, потенциальная цель исследования достигнута автором отчасти. Публикация может вызвать интерес у аудитории журнала. Статья требует существенной доработки, прежде всего, в части формулирования ключевых элементов программы исследования и соответствующих им выводов.